

НАЦИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПЛАНИРОВАНИЕ «ВОЙНЫ НА УНИЧТОЖЕНИЕ» ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА¹

Александр Дюков

«РЕЧЬ ИДЕТ о борьбе на уничтожение... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость — благо для будущего» (Гальдер, 1969: 430–431). Эти слова за три месяца до нападения на Советский Союз произнес Адольф Гитлер, фюрер и рейхсканцлер Третьего рейха, глава Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). Воскресным днем 30 марта 1941 г. он выступил на проходившем в Берлине секретном совещании; в огромном зале перед ним сидели 250 германских генералов. Это было высшее командование вермахта, командующие и начальники штабов армий и армейских групп, воздушных флотов и корпусов, бронетанковых и пехотных соединений — те, кому предстояло возглавить германские войска в походе на Восток. Среди них был и начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Франц Гальдер, законспектировавший в своем рабочем дневнике речь фюрера.

Пять лет спустя, в марте 1946 г., Гитлер уже был мертв, Третий рейх разгромлен, НСДАП распущена, а на проходившем в Нюрнберге Международном военном трибунале зачитывались многочисленные свидетельства о преступлениях, совер-

¹ Работа над публикацией выполнена в рамках проекта Института российской истории РАН по созданию многотомной «Истории России с древнейших времен до наших дней».

шенных нацистами в ходе «войны на уничтожение» против Советского Союза. Предъявленные доказательства неоспоримо свидетельствовали о том, что преступления, совершенные нацистами на территории СССР, носили беспрецедентный по своим масштабам и жестокости характер; их было более чем достаточно для вынесения приговора в отношении представших перед трибуналом главных преступников.

Однако даже спустя десятилетия после завершения работы Международного военного трибунала в Нюрнберге многие вопросы, связанные с «войной на уничтожение», оставались не вполне понятными для общества. Были ли совершенные на Востоке преступления результатом последовательно осуществлявшегося плана? Был ли этот план исключительно продуктом извращенного сознания Гитлера, или он был результатом сотрудничества различных элитных групп? Какова была динамика нацистских преступлений? Чем руководствовались нацисты — расовыми предрассудками или казавшимися рациональными экономическими и военными соображениями? Какие категории населения СССР становились целью преступных действий нацистов и почему? Кто участвовал в преступлениях: только айнзацгруппы и другие формирования полиции и СД или также представители вермахта?

Для того чтобы сначала поставить эти (а также многие другие) вопросы, а затем попытаться дать на них аргументированные ответы, историкам понадобились многие десятилетия. Нацистская «война на уничтожение» оказалась весьма сложным и многоплановым явлением, а потому исследователи, как правило, сосредотачивались на изучении его отдельных аспектов. Немецкие историки по понятным причинам внесли наибольший вклад в историографию, детально исследовав нацистскую политику в отношении евреев (Моммзен, 2018; Алу, 2013) и советских военнопленных (Штрайт, 2009; Römer, 2008), место блокады Ленинграда в «войне на уничтожение» (Ганценмюллер, 2019), а также роль вермахта в планировании и осуществлении преступлений на оккупированной территории

СССР (Ветте, 1999; Мюллер Н., 1974; Мюллер Р.-Д., 2012; Мюллер Р.-Д., 2016; Gerlach, 1999; Müller R.-D., Ueberschär, 1997; Wette, 2006)¹. Англо-американская историография, помимо изучения Холокоста (Вахсман, 2017; Рис, 2018; Холокост... 2005; Browning, 2004), сосредоточилась прежде всего на изучении экономической составляющей «войны на уничтожение» (Туз, 2018; Aly, 2007; Kay, 2011), а также выявлении ее идеологических основ, связанных с идеями социал-дарвинизма и колониализма (Bergman, 2012; Kakel, 2013a; Olusoga, Erichsen, 2010; Weikart, 2005; Westermann, 2016). К сожалению, уровень разработки темы «войны на уничтожение» в отечественной историографии остается довольно низким (Альтман, 2002; Загорулько, Юденков, 1980; *Нацистская Германия против Советского Союза... 2015*; Яковлев, 2017) и не находит практически никакого отражения в массовых общественных представлениях. То, что для современных западных исследователей давно является «общим местом», в нашей стране зачастую рассматривается как необычные и даже сомнительные идеи.

В настоящей статье предпринята попытка с учетом современной западной историографии описать процесс планирования нацистской «войны на уничтожение» против Советского Союза, обозначить его идеологические основы и принимавшие участие в планировании элитные группы. Нашей задачей является описание планов, имевшихся у нацистов, по состоянию на 22 июня 1941 г.; процесс их реализации и последовательной радикализации (см. Манн, 2016: 329–380)² остается за рамками данной статьи.

¹ Чрезвычайно важным событием в историографии стала документальная выставка о преступлениях вермахта (см. *Война Германии... 2002*).

² Вслед за британским социологом Майклом Манном мы исходим из того, что планы нацистов не были неизменными; они проходили фазы последовательной радикализации, причем радикализация шла не только «сверху вниз» (от лидеров к исполнителям), но и одновременно «снизу вверх» (от исполнителей к лидерам).

I. Идеологические основы «войны на уничтожение»

Мысль о том, что «война на уничтожение» против СССР была в первую очередь войной идеологической, уже давно утвердилась в историографии (см. Müller R.-D., Ueberschär, 1997: 211–280). Массовые фашистские движения 1920–1930-х гг. (к каковым, вслед за классиком современной макросоциологии Майклом Манном, мы причисляем и национал-социализм) были радикальным воплощением в жизнь идей органического национализма и этатизма при помощи парамилитарного насилия (Манн, 2019). Неудивительно, что все фашистские движения были изначально склонны к насилию против врагов «нации»; идеология национал-социалистов, однако, содержала дополнительные опасные компоненты, развитие и взаимодействие которых породило идею «войны на уничтожение».

Ключевыми характеристиками национал-социализма являлись:

- **радикальный расизм**, то есть рассмотрение «расы» как биологического феномена и представление о существовании иерархии «высших» и «низших» рас;
- **радикальный антисемитизм** и неразрывно связанный с ним **радикальный антикоммунизм**, то есть представление о необходимости борьбы с «еврейством» и «еврейским большевизмом», якобы угрожающими существованию германского государства и всей германской «расы»;
- **радикальный антиславянизм**, то есть представление о славянских народах как о неспособных к самостоятельному созидательному развитию;
- **колониальный экспансионизм**, то есть представление о необходимости территориальной экспансии для приобретения германской «расой» так называемого жизненного пространства (Lebensraum).

Все эти элементы нацистской идеологии были неразрывно связаны между собою; каждый из них являлся «объяснением» и «оправданием» остальных.

1. Радикальный расизм

Расизм германских нацистов был радикальным, но органичным развитием идей, характерных для европейских мыслителей XIX в. Еще в 1853 г. французский писатель и дипломат Жозеф Артур де Гобино опубликовал книгу «Эссе о неравенстве человеческих рас». Существует иерархия рас, писал Гобино, на самом верху которой стоит «белая раса», которая превосходит все остальные в физической силе, красоте и интеллекте. Внутри «белой расы» самыми совершенными являются «арийцы», сохранившие чистоту крови и не смешивавшиеся с представителями других «рас» (Гобино, 2001; Тагиефф, 2009).

Идеи расового неравенства не были, разумеется, изобретены Гобино; их распространению в немалой степени способствовала колониальная экспансия европейских стран. Восприятие «туземных» народов как «низших» и «примитивных» было характерно для европейских колонизаторов (Манн, 2016: 166; Саркисянц, 2003; *Empire, Colony, Genocide...* 2008). Гобино лишь придал порожденным колониализмом расистским идеям стройную систему, оказавшуюся весьма востребованной, причем не только в колониях.

Расистские идеи Гобино были восприняты и развиты германскими нацистами. Рихард Вальтер Дарре, один из идеологов нацистского движения, в 1933 г. возглавивший министерство продовольствия Третьего рейха, констатировал: *«Если мировоззрение национал-социализма свести к его ядру, то таковым окажется расизм; можно сказать, что признание факта наследования человеческих свойств составляет суть национал-социализма»* (Пленков, 2017: 221). Современные исследователи отмечают, что традиционный для европейцев второй половины XIX — начала XX века колониальный расизм нацисты до-

полнили радикальным антисемитизмом и антиславянизмом (Prusin, 2012: 74).

Радикальный антиславянизм

Для Гитлера и его сторонников по НСДАП не было никаких сомнений: раса — это не культурное, а биологическое понятие. Они также были уверены, что представители германской «расы» находятся на вершине расовой иерархии, воплощая в себе «арийские» идеалы. На низших ступенях иерархии стояли славянские народы; идея об их принадлежности к «низшим расам» была сформулирована еще Гобино (Гобино, 2001: 604–608).

Однако у нацистов отношение к различным славянским народам на практике различалось довольно сильно. В трудах Гитлера и других нацистских идеологов не уделялось хоть сколько-нибудь значительного внимания южным и западным славянам, включая поляков (Connolly, 1999: 10–11). А вот в отношении восточнославянских народов (по выражению Гитлера, «славян русской национальности») (Hitlers zweites Buch... 1961: 158–159) подход был совершенно определенным. В полном соответствии с мнением, некогда высказанным Гобино, эти народы считались неспособными к созданию собственной государственности и вообще созидательному развитию. *«Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству, — писал Гитлер в 1924 г. — Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы... В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения»* (Hitler, 1943: 742).

Наиболее неполноценным из всех славянских народов в рамках данного мировоззрения оказывались русские, о расовых дефектах которых, с точки зрения нацистов, свидетельствовало установление в России «большевистского» режима. Как отмечал в своей книге «Миф XX века» один из ведущих нацистских идеологов Альфред Розенберг, *«большевизм мог добиться власти*

лишь благодаря расовой и психологической болезни народного тела» (Rosenberg, 1942: 214). В рамках этой перспективы русские оказывались не просто принадлежащими к «низшей расе»; для нацистов это был наименее ценный из всех славянских народов. Впрочем, стоит отметить, что нацистские представления о русских в основе своей не слишком отличались от представлений среднего немецкого обывателя. К тому времени, как отмечают современные исследователи, *«среди немцев, даже образованных, сложились определенные стереотипы русских: русские — нецивилизованные (Naturmenschen), коллективные существа (Kollektivwesen) и лишены индивидуальности (vermasst)»* (За рамками тоталитаризма... 2011: 551).

Украинцы (не в последнюю очередь благодаря усилиям того же Розенберга, характеризовавшего украинских националистов как *«наиболее мощную антимосковитскую группировку»*) (Политический дневник Альфреда Розенберга... 2015: 196) воспринимались как немного более ценный с расовой точки зрения элемент, превосходящий не только русских и белорусов, но даже и поляков (Lower, 2005: 27; Connolly, 1999: 14–15). С точки зрения нацистов, украинцы были миролюбивой, работающей и послушной национальной группой — идеальными рабами в будущем мире победившей расовой утопии, в которой существование «низших» народов имело, по словам Гитлера, *«одно-единственное оправдание — быть полезными для нас в экономическом отношении»* (Hitler's Table Talk... 2000: 424).

Радикальный антисемитизм

Если восточные славяне воспринимались нацистами как представители «низших рас», то евреи были из расовой иерархии исключены вовсе и рассматривались как «недочеловеки».

Представления о евреях как «недочеловеках» были заимствованы нацистами уже не у Гобино, а у необычайно популярного в Германии начала XX в. британского публициста Хьюстона Стюарта Чемберлена. Вслед за ним нацистские идеологи рассматривали «еврейство» как антитезу «арийству». По

мнению Чемберлена, «арийцы» были творцами и носителями цивилизации, а евреи — негативной расовой силой, разрушительной и вырождающейся. Германские нацисты полностью разделяли эти воззрения (Рис, 2018: 18). Именно на евреев Гитлер и его соратники возлагали ответственность за политическую и экономическую нестабильность в мире, за поражение Германии в Первой мировой войне и послевоенную экономическую разруху. Именно евреи, с точки зрения нацистов, стояли и за западными парламентскими «плутократиями», и за советским «большевизмом»¹. Этнический враг в нацистской идеологии сплетался с врагом политическим.

После прихода к власти в Германии нацистов проживавшие в стране евреи были лишены гражданских прав, подвергались дискриминации и «уголовным» преследованиям в рамках установленного нацистами законодательства, становились жертвами парамилитарного насилия, принуждались к эмиграции (Моммзен, 2018: 55–112). Системная дискриминация и принуждение к эмиграции — такими были первоначальные планы нацистов по отношению к проживавшим в Германии евреям.

В глазах нацистов подавление внутреннего расового врага было, впрочем, лишь частичным решением проблемы. Ведь существование продолжал главный, по мнению нацистов, внешний враг Германии и «арийской расы» — государство «еврейского большевизма», именуемое Советским Союзом. Евреи воспринимались нацистами как системообразующий элемент советского строя, одновременно и как правящая элита, и как «биологический корень» советской системы (Штрайт, 2009: 25). Эта точка зрения была четко озвучена рейхсфюрером СС Гиммлером уже после вторжения в СССР: *«На другой стороне стоит 180-миллионный народ, смесь рас и народов, чьи имена непроницаемы и чья физическая сущность такова, что единственное, что с ними можно сделать — это расстрелять без*

¹ Существенный вклад в подобное мнение внесли бежавшие из России белоэмигранты (см. Kellogg, 2005).

всякой жалости и милосердия... Этих людей объединили евреи одной религией, одной идеологией, именуемой большевизмом» (Stein, 1984: 126–127).

Современные исследователи признают, что в нацистской идеологии антисемитизм был самым тесным образом переплетен с антикоммунизмом (Рюруп, 1996: 363; Ферстер, 2009: 95); борьба против СССР означала борьбу с «еврейством» — и наоборот. Эту борьбу нацисты воспринимали как своего рода «последнюю битву». Еще в 1922 г. Альфред Розенберг, один из нацистских идеологов, заявлял, что в борьбе против «еврейского большевизма» существует «только один выбор — быть уничтоженным или победить» (Айххольц, 2002: 67). Аналогичные по своему содержанию высказывания озвучивались нацистским руководством и после нападения на Советский Союз. «*Эта война — большая война рас. Будет ли здесь находиться германец и ариец или миром будет править еврей — вот о чем идет речь в конечном итоге, вот почему мы боремся*», — говорил рейхсмаршал Герман Геринг, второй человек в нацистской Германии (Дюльффер, 2005: 8).

2. Колониальный экспансионизм

Однако необходимость борьбы с «еврейской угрозой» во имя защиты «арийской расы» была не единственной составляющей идеологии «войны на уничтожение» против Советского Союза. Своей целью нацисты объявляли создание расово чистого государства, которое на столетия вперед обеспечит благополучное существование «арийской расы». По мнению нацистов, для создания такого государства было необходимо расширить «жизненное пространство». Территории, занимаемые «низшими расами» (в первую очередь восточными славянами), следовало поставить на службу Третьему рейху. «*Растущее население требует большего жизненного пространства*, — разъяснял свою позицию Гитлер, выступая перед германскими генералами в ноябре 1939 г. — *Борьба должна вестись за это. Ни*

один народ не может избежать этой задачи, иначе он обречен на постепенную гибель. Отказ от применения насилия означает величайшую трусость, уменьшение численности народонаселения и деградацию» (ИМТ 1947. Vol. XXVI: 329).

Еще в самом начале своей политической карьеры Гитлер разъяснял, что «жизненное пространство» германской нации лежит на Востоке. *«Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»,* — писал он (Hitler, 1943: 742). Впоследствии фюрер неоднократно возвращался к этой идее. *«Если Урал с его неизмеримыми сырьевыми ресурсами, Сибирь с ее богатыми лесами и Украина с ее необъятными полями окажутся в руках Германии, то Германия, ведомая национал-социалистами, ни в чем не будет знать недостатка»,* — говорил Гитлер в 1936 г. (Мюллер Р.-Д., 2016: 54).

В основе идеи о необходимости расширения «жизненного пространства» лежали традиционные для того времени рассуждения. Как отмечает современный исследователь экономической истории Адам Туз, *«поглощенность Гитлера и его подручных проблемами “жизненного пространства”, продовольствия и сельского хозяйства воспринимается как prima facie свидетельство атавистичности и отсталости нацистов. Трудно представить себе более ошибочное суждение. Приобретение территорий и естественных ресурсов не было нелепой манией идеологов расизма. К тому же самому стремилась вся Европа на протяжении по крайней мере последних двухсот лет»* (Туз, 2018: 231). Многие исследователи согласны с тем, что экономика Германии в то время действительно испытывала серьезные проблемы (Фолькманн, 1997: 74–86; *Нацистская Германия против Советского Союза...* 2015: 145–152); неудивительно, что идея завоевания «жизненного пространства» воспринималась как вполне рациональная стратегия далеко не только нацистами.

К тому же идеи колониального «натиска на Восток» не были чем-то новым и необычным для германского общества. Эти

идеи озвучивались еще в кайзеровской Германии; первые же попытки реализации германской колониационной кампании на Востоке относятся к периоду Первой мировой войны (Фишер, 2017: 278–287; Heinemann, Oberkrome, Schleiermacher, Wagne, 2006: 7–8). «После 1915 г., когда германская армия оккупировала Литву и некоторые районы Белоруссии, военная администрация стала реализовывать комплексный проект колонизации этих территорий, выселяя коренное население (которое, согласно этническому происхождению, было разделено на категории)», — отмечает историк Александр Прусин (Prusin, 2012: 75–76). Используемый кайзеровскими военными язык был очень характерен: восточные территории рассматривались ими не как «сложное переплетение земель и людей (*Land und Leute*)», а как «пространство и расы (*Raum und Volk*), которые должны быть подчинены германской власти и организации» (Lower, 2005: 21). Как отмечают современные исследователи, этот семантический сдвиг открывал путь к этническим чисткам (За рамками тоталитаризма... 2011: 238).

Нацисты, унаследовавшие идейный и практический опыт кайзеровских военных, радикализировали его и сделали одним из компонентов своей идеологии. Однако для нацистов были важны далеко не только идеи германского «натиска на Восток». Будущий «Остланд» родился из духа европейского колониализма XIX в., причем, как показывают новейшие исследования, важным образцом для подражания для нацистов был не столько германский опыт локального геноцида племен гереро и нама в Юго-Западной Африке, сколько британский опыт покорения Индии и опыт колонизации американского Дикого Запада (Lower, 2005: 19; Guettel, 2013; Kakel, 2013a; Kühne, 2013; Olusoga, Erichsen, 2010; Westermann, 2016; Zimmerer, 2005).

«Тем, чем Индия была для Англии, для нас будут территории России», — заявлял Гитлер уже после нападения на Советский Союз (Hitler's Table Talk... 2000: 24). В речах, посвященных освоению «жизненного пространства» на Востоке, он также неоднократно сравнивал население Советского Союза с ин-

дейцами. Перед нами, говорил он, *«стоит лишь одна задача: осуществить германизацию путем ввоза немцев, а с коренным населением обойтись как с индейцами»* (Саркисянц, 2003: 179). В другом выступлении Гитлер заявлял: *«Нам придется прочесывать территорию, квадратный километр за квадратным километром, и постоянно вешать! Это будет настоящая индейская война»* (Саркисянц, 2003: 179). Идея освоения «жизненного пространства» для нацистов была неразрывно связана с безжалостностью в отношении коренного населения. Уникальность этого подхода заключалась в том, что традиционные европейские колониальные практики нацисты собирались применить не в заморских землях, а в Восточной Европе.

3. Идеологический консенсус элит

Все основные компоненты нацистской идеологии: расизм, антисемитизм/антикоммунизм, антиславянизм и колониальный экспансионизм — были тесно переплетены между собой. Экстремальный антисемитизм нацистов мог отторгаться некоторыми консервативными представителями германских элит, считавших достаточной политику частичной сегрегации евреев (Манн, 2016: 350–351), однако более привычные и казавшиеся вполне рациональными идеи расизма, антикоммунизма и колониализма делали национал-социалистическую идеологию в основном приемлемой далеко не только для пламенных нацистов. Представления о русских как о представителях «низшей расы» также не были чисто нацистскими; как отмечают современные исследователи, *«такое восприятие России и россиян стало своеобразным мостом, соединившим в одно целое предубеждения и психологию мелкой буржуазии с агрессивным расизмом»* (За рамками тоталитаризма... 2011: 540).

Свою установочную речь о «борьбе на уничтожение» 30 марта 1941 г. Гитлер произнес перед высшим военным руководством. Как отмечают современные исследователи, на том совещании присутствовали «обыкновенные немецкие генералы»: